

Яо Яньцин мысленно подсчитал. Если за год выделялось двести тысяч лянов чистого серебра, то двадцать тысяч составляли одну десятую. После подкупа остальных чиновников, когда серебро покидало столицу, оставалась лишь половина. В процессе перевода через несколько рук оно уменьшалось еще на половину. Когда оно попадало в руки местных чиновников, после обработки терялось еще тридцать процентов. Оставшиеся тридцать-сорок тысяч лянов едва ли могли накормить жителей Сучжоу, не говоря уже о том, чтобы утолить их жажду. Неудивительно, что в Сучжоу произошли бунты голодающих. Для простых людей не важно, кто сидит на троне, важно, смогут ли они поесть досыта.

Яо Яньцин заставил Сюй Шандэ подписать признание, после чего приказал охранникам увести его. Сам же сложил документ, положил его в конверт, спрятал в рукав и отправился в тюрьму.

Третий принц накануне уже отправил людей в кондитерскую Ганьшэн для выяснения обстоятельств. Один из слуг рано утром купил там пирожные с медовой начинкой. Хотя внешность слуги была ничем не примечательной, и его легко было потерять в толпе, работники кондитерской запомнили, что у него была родинка на подбородке. Хотя выяснить подробности будет нелегко, это лучше, чем ничего.

Когда Яо Яньцин прибыл в камеру пыток, третий принц уже допрашивал Чжан Чана, чиновника, ответственного за доставку зерна в Сучжоу.

Камера пыток представляла собой квадратную комнату, сырую и мрачную, с запахом крови, который не выветривался годами. На стенах висели устрашающие орудия пыток, а в центре комнаты был глубоко вкопанный столб, к которому был привязан Чжан Чан. Надсмотрщик, держа в руке кнут, смоченный в соленой воде, методично бил его.

— Ваше высочество, — Яо Яньцин, не обращая внимания на Чжан Чана, прошел мимо него, игнорируя крики боли, и почтительно поклонился третьему принцу.

Третий принц кивнул и приказал принести стул для Яо Яньцина.

Однако тот не сел, а вместо этого достал из рукава конверт и передал его принцу. Третий принц, взяв конверт, указал на стул рядом с собой и еще раз сказал:

— Садитесь.

Яо Яньцин немного замешкался, но затем сел, устремив взгляд на Чжан Чана. Все более сильный запах крови в комнате заставил его слегка сморщиться.

Третий принц быстро пробежал глазами по содержанию признания, и в его глазах наконец появилась улыбка. Теперь, когда один из обвиняемых заговорил, признание Сюй Шандэ, указывающее на У Маочэня, стало важным прорывом.

— Допросить У Маочэня, — приказал третий принц, положив признание на стол.

Надсмотрщик на мгновение замер, затем тихо спросил:

— Ваше высочество, вы хотите, чтобы господин У был доставлен в камеру пыток?

Третий принц холодно взглянул на надсмотрщика, и тот, поняв, что задал глупый вопрос, поспешил извиниться и отправился за У Маочэнем.

— Как вы думаете, только ли признания Сюй Шандэ достаточно, чтобы заставить У Маочэня

заговорить? — спросил третий принц, явно обращаясь к Яо Яньцину.

Яо Яньцин слегка улыбнулся, вспомнив слова своего наставника, великого наставника Сюя, и покачал головой:

— Сложно. Нужно найти того, кто приходил в тюрьму в тот день. Начать с него будет более эффективно.

Сказав это, Яо Яньцин медленно встал и приказал надсмотрщику прекратить бить Чжан Чана.

— Ваше высочество, продолжать бить его бесполезно. Чжан Чан — крепкий орешек, — с улыбкой сказал Яо Яньцин, глядя на искусанные губы Чжан Чана.

Третий принц приподнял бровь и спросил:

— Пятый господин, есть ли у вас способ заставить его заговорить?

Яо Яньцин лишь улыбнулся в ответ и, обойдя Чжан Чана кругом, понял, что такие люди, как он, зная, что их ждет смерть, будут молчать, чтобы не подвергать опасности свои семьи.

— Ваше высочество, может, вам стоит продолжить допрос У Маочэня в другой камере, а этого оставить мне, — тихо предложил Яо Яньцин, глаза его слегка сузились.

Третий принц, уже дважды убедившись в способностях Яо Яньцина, доверил ему это дело и приказал надсмотрщикам передать У Маочэня, а сам отправился в соседнюю камеру.

Оставшиеся в камере надсмотрщики, зная, что господин Яо, несмотря на молодость и низкий ранг, обладал немалыми способностями, не стали недооценивать его. Как только третий принц ушел, они услужливо спросили:

— Господин, хотите ли вы чаю или закусок? Мы принесем.

Если бы это был кто-то другой, он вряд ли смог бы наслаждаться чаем и закусками в камере пыток. Но Яо Яньцин, проработавший четыре года в Министерстве наказаний в прошлой жизни, привык к допросам упрямых чиновников. Для него было обычным делом проводить в камере пыток дни и ночи без сна. Так что чай и закуски здесь были для него привычным делом.

— Принесите чаю «Билочунь», а также несколько горячих блюд и подогрейте вино, — тихо сказал Яо Яньцин.

Надсмотрщик кивнул, но в душе удивился, считая, что господин Яо действительно необычен, решив устроить обед в камере пыток.

Эти блюда Яо Яньцин приготовил не для себя. Он приказал развязать Чжан Чана и принести стул, лично вручив ему палочки для еды.

Чжан Чан, несмотря на свою стойкость, не стал сопротивляться. Он, шатаясь, подошел к столу, глядя на белые руки Яо Яньцина с подозрением. Но он был настолько голоден и жаждал, что, не задумываясь о намерениях Яо Яньцина, схватил палочки и стал жадно есть. Вино он выпил за несколько глотков.

Яо Яньцин, с легкой улыбкой на лице, потягивал чай, ожидая, пока Чжан Чан закончит есть. Затем он спокойно произнес:

— В Сучжоу в этом году от голода умерли десятки тысяч людей.

Чжан Чан, держа палочки, на мгновение замер, но ничего не сказал, продолжая есть.

Яо Яньцин не обратил на это внимания и продолжил:

— Я слышал, что вы тоже родом из Сучжоу. Десять лет назад, во время наводнения, императорский двор выделил триста тысяч лянов серебра для помощи пострадавшим. Но еще до того, как серебро покинуло столицу, бывший министр финансов украл двести тысяч. Когда серебро дошло до Сучжоу, его почти не осталось. Из-за этого более десяти тысяч человек умерли от голода. Я тогда был еще ребенком, но слышал, что люди ели все, что могли, даже кору с деревьев. Были случаи каннибализма. Вы тогда были в Сучжоу? Видели ли вы это своими глазами?

Чжан Чан наконец проявил эмоции. Он положил палочки и холодно усмехнулся:

— Конечно, видел. Люди ели не только других, но и своих собственных детей.

— Раз вы пережили такое, как могли вы помогать злу? — спросил Яо Яньцин, глядя на Чжан Чана, его голос оставался спокойным.

Чжан Чан усмехнулся:

— Именно потому, что я пережил это, я понял, как важно серебро. Я слышал о вас, господин Яо. Ваша семья богата, как целое государство. Вы выросли в золоте. Знаете ли вы, каково это — голодать? Видеть, как ваши братья и сестры умирают от голода? С тех пор я поклялся, что мои родители и братья больше никогда не будут голодать.

Яо Яньцин приподнял брови и улыбнулся:

— И это желание исполнилось?

— Конечно, — с легкой гордостью ответил Чжан Чан.

— Но вы обрекли жителей Сучжоу на ту же участь, которую сами пережили. И скоро ваши родители и братья пострадают из-за вас, — медленно произнес Яо Яньцин, глядя на Чжан Чана, а затем улыбнулся с холодной жестокостью. — Вы думаете, что, молча, сможете защитить свою семью? Ошибаетесь. Все, кто знает правду, будут уничтожены. Хотя смерть, пожалуй, будет милосердием по сравнению с тем, что ждет их в черных угольных шахтах. Это настоящий ад.

— Господин Яо, не тратьте на меня силы. Что бы вы ни говорили, мне нечего сказать, — холодно ответил Чжан Чан, оставаясь неподвижным.

Яо Яньцин, взглянув на его неподвижное тело, улыбнулся:

— Я думал, что вы, сумев спасти свою семью во время того наводнения и добившись должности в столице, умный человек. Поэтому я и говорил с вами так долго.